

УТОПИИ «БАШЕННОГО ГОРОДА» И «ГОРОДА-САДА»
В ПАРАДИГМАХ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ
«TOWER CITY» AND «GARDEN CITY» UTOPIAS
IN PARADIGMS OF POSTMODERN PHILOSOPHY

Аннотация

Данная статья есть комментарий к глобальной теме «Архитектура XX века. Утопии и реальность», поднятой в последнем незавершенном проекте А. В. Иконникова. Управляемость как «утопия машинного царствования» (по Л. Мамфорду) над проектно-строительными процессами урбанизации, как «матрица формы», несмотря на беспрецедентную революцию в информационных технологиях современности, остается важнейшей проблемой «открытого» общества и «репрессированного» сознания.

Summary

This article is the commentary to the global theme «Architecture of XX century. Utopias and reality» as it was eliminated in the last non-completed architectural project of A. V. Ikonnikov. Controlling as «an utopia of machine reign» (according to L. Mumford) for the project development and building of urbanization – special matrix as «an idea of form» - is the most important problem of «open society» and «repressed consciousness» in spite of contemporary revolution in informational technology.

Ключевые слова: утопия и утопичность, парадигма, «грибница», «город башен», «город-сад» как типы профессионального сознания и как модели идеального полиса.

Keywords: utopia and utopian, paradigm, «tower city» and «garden city» as the types of professional consciousness and as the models of ideal polis.

Тотальный дизайн настолько же утопичен, насколько утопичны социальные революции и законодательные акты, по крайней мере в контексте современной философии. Большинство гуманитарных наук (право, политика, социология, психология и проч.) суверенизировались от философии, хотя манера мышления, стиль воздействия, некоторые категории позиционно и терминологически совпадают. Современное естествознание с его парадоксами самоорганизации «живой планеты», наряду с филологией, музыкой, архитектурой и дизайном, ориентировались в обратную сторону - в Alma-mater, в сторону философской технологии постструктурализма. Это объясняется тем, что современная философия и теория архитектуры, оставаясь самостийными и самодостаточными, превращают технологию мысли в «прикладную» науку, как ни странно, в «модернизм новой волны» - менеджмент управления социумом.

Город как «организованную сложность», состоящую из многих переменных, можно идентифицировать темпорально-образно и территориально-знаково. Не смотря на то, что текст всегда задается собственным комментарием, «идея города», его смыслообраз, лежащий за пределами любых истолкований в век информационных революций, требует переосмысления, перезагрузки системы, внедрения нового генетически модифицированного кода «грибницы» (*по Юнгу*) или «луковицы и корневища» (*по Делеза и Гваттари*).

В истоке градостроительного проектирования мы имеем не чистый лист, а огромный предпроектный анализ, который включает в себя основной текст, многократно стертый и переписанный палимпсест, включая прообразы «башни» и «сада» как двух его полярных парадигм. В киберпространстве «хроники» вероятных моделей, внегравитационно обозначенный «образ города», в сознании мыслится архитектурно целостно, нефрагментировано. Поскольку до сих пор связь приоритетов формообразования с аспектами организации «среды» фрагментированных файлов и «складок» в контексте «формы города» как таковой исследовалась недостаточно, представляется целесообразным определить степень зависимости формирующих процессов «утопического сознания» и проектного «мифотворчества». На примере идей «Башни» и «Сада» в канонических и маргинальных дискурсах хотелось бы проанализировать перспективы компьютерного отчуждения Архитектуры от Человека.

Очевидно, что началу градостроительного проектирования предшествует целеполагающая идея. Цель творчества моделируется как идеальный образ еще не существующего объекта, который предрасположен войти в наш мир, дополняя и во многом изменяя его суть. Осмысление образа-цели позволяет определить логику мыслительных действий, необходимых для его реализации. Здесь с позиций философского «постструктурализма» актуализируется стратегия и тактика проектирования, когда идея становится не только целью производства, но и средством такого производства. Налицо «перевертыш» архитектуры, в частности «городов-садов» и «городов-башен» из продукта в средство градостроительного проектирования. Осмыслив категории «структура пространства» и его «форма», становится возможным оперировать этими категориями на другом компьютерно-мультиплицированном уровне. Нам еще предстоит выстроить представления о дистанционности башни, синтаксисе сада, социальной проксемики ситискэйпа как элементах проектной культуры мышления.

«Город-сад» как модель идеального полиса. Что имеется в виду под этой утопией? При всей кажущейся очевидности для обыденного сознания, дать исчерпывающее понятие утопии «идеального города» и утопичности мышления как таковой довольно непросто. Прежде всего, становится совершенно очевидной несостоятельность попыток определить утопию

исключительно как несбыточную мечту и безусловную фантазию, как антоним понятий «действительность», «реальность», «возможность». При всей их распространенности, такая трактовка утопии и утопичности совершенно не гарантирует фиксирования в них существенных характеристик феномена, она опровергается исключительной условностью и относительностью несбыточности, нереальности, фантастичности.

Утопия — это проект, связанный с местом — топосом. «Топос» - это «поэтический дух места» или ощущение того, что «я сюда пришел не зря». Это - «Дом», «Храм», «Город» одновременно. Простота этих символов обезоруживает. Здесь нет стремления выдать «часть за целое», представить свою одностороннюю правоту как абсолютную истину. С точки зрения архитектуры, утопия - это компактный и самодостаточный, относительно большой по численности и устойчиво развивающийся социально-пространственный комплекс - город, стремящийся к идеалу, где большая часть людей занимается бла-город-ными занятиями. И в то же время – сад, потому что труд, быт, отдых – вся жизнь, населяющих этот «благород» людей, протекает не в «каменном мешке» замкнутых помещений, а в культивированном антропогенном и природном ландшафте. Прообразы ландшафтного дизайна здесь снимают изолированность и одиночество экзистенции как таковой. Как пишет В. Л. Глазычев в «Поэтике городской среды», под городом принято понимать как предметно-пространственное окружение в его чувственно данных компонентах, так и окружение человека в сугубо социальном плане, проявленном в наблюдаемых признаках распределения ролей и позиций. При акцентировке внимания на первой интерпретации мы сталкиваемся по преимуществу с «натюрмортным» видением города. Здесь архитектура приравнена к пейзажу, и, скажем, в английской терминологии слово townscape обладает именно таким фиксированным значением.

Планируя среду своего обитания, человек планирует и свою будущую жизнь, в конечном счете — самого себя. Априори, отличительные черты утопического «духа места» - жизнепригодность, текстовая осмысленность, ориентационная ясность, доступность, контролируемость и управляемость. Целеполагание включает в себя момент риска, связанный с выбором между непроверенными и обычно не приведенными к общему знаменателю альтернативами. Степень неопределенности пропорциональна диаметральности общества — половина которого любит башни - небоскребы, а другая стремится в сады-лабиринты.

Признаки целостного и одновременно фрагментированного пространства «Города-башен» и «Города-сада», где каждый фрагмент — носитель смысла, предельно четко обозначены в ландшафтной архитектуре различных образовательных и религиозных центров. Как идеологические основания патриотизма, своей самобытной культуры и особого вероисповедания они характерны, прежде всего, для университетских комплексов различных

стран мира, где «идеальный город» - не сумма отдельно стоящих зданий, а комплекс взаимопроникающих пространств, наполненных образами. «Сад» сам по себе может стремиться внутрь, приобретая новое имя - «зимний сад», «дефиле-оранжерея» или «парфюм-дендрарий». Лекционная аудитория, наоборот, хочет быть «открытым амфитеатром», «терренкурром», «экотропой» в образовательной среде нового, скорее, античного типа, порождая тематические пространства. В таких пространствах, по выражению М. Хайдеггера, «таятся» события, создается ощущение присутствия в особом круге понимания, когда пространство говорит с тобой, и, оказавшись в этом поле влияния, «мы внезапно пребываем в ином месте, не там, где обычно бываем». По Хайдеггеру, это и есть утопия как образец «поля истолкования». Каждое семантическое поле или поэтический фрагмент среды организуется пластической формой и одновременно маркирует и/или отрицает свой центр конкретным знаковым решением (башня или ее отсутствие). Отсутствие башни предполагает сад-лабиринт. Здесь есть пазл, поскольку последовательность образов закреплена не жестко.

Утопии «городов 1000 башен» и «городов садов», как типы профессионального сознания в социальной проблематике пространственной организации формы города тесно связаны с переменами в градостроительной культуре, обозначенными двумя типами проекционности. Первый из них - «альпинизм» как внутренняя «онто-эго-либидо-интенция преодоления» и диониссийская устремленность ввысь и, второй - это аполлоническая садово-парковая «райская умиротворенность», имеющая горизонтально-покойный характер (*no Ницше*). На этом... успокоимся? Или ... подумаем? Не могу найти место, куда вставить слово «пока».

Список использованной литературы

1. Делез Ж. Льюис Кэрролл // Делез Ж. Критика и клиника. — СПб.: Machina, 2002, с. 36-38
2. Деррида, Ж. Позиции / Пер. с фр. В. В. Бибихина. — М.: Академический проект, 2007. — 160 с.
3. Глазычев В.Л. Поэтика городской среды: [Электронный ресурс] // сайт В.Л.Глазычева. Режим доступа: http://www.glazychev.ru/habitations&cities/1986_poetika.htm
4. Ницше Ф. Сочинения. В — 2-х тт. - М., 1990.
5. Хайдеггер, М. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Бибихина — М.: Ad Marginem, 1997. Переизд.: СПб.: Наука, 2000